

— Мой дорогой старый друг, — гласила записка. — Я знаю, что ты не хочешь отказываться от мести. И я понимаю, что своими действиями он причинил тебе еще больше боли, чем мне. Я не буду тебя останавливать. Я только прошу тебя быть осторожным. Есть люди, которые никогда не простят тебе, если ты подвергнешь себя опасности. Если тебе понадобится моя помощь, скажи мне. Возможно, я умираю, но у меня есть последний шанс сыграть в этой игре. Просто скажи мне, когда, и я приду. Твой старый друг. Я. Гарри прочитал письмо один раз, а затем фыркнул. Последний акт! Значит, дядя Гарри решил помочь ему в его мести, даже если считал, что он не должен этого делать. Что ж, Гарри мог с этим жить. Он был только рад, что дядя больше не пытался его остановить. Если старик хотел потрясти старого козла перед смертью... Гарри даже не мог противоречить своему дяде, если тот собирался это сделать. Старик имел полное право нанести последний удар старому козлу... Гарри не стал его останавливать. Он записал свой ответ, а затем написал еще одно письмо на другом куске пергамента. После этого он подождал, пока Винки зайдет и заберет письма, а затем вернулся к тому, чем занимался раньше. — Итак, вернемся к поискам моей книги, — подумал он. — Ну, в замке не так уж много людей, которым она была бы интересна. В конце концов, она на рунах... Лучший способ найти ее — разложить приманку, и пусть они придут ко мне. И Гарри прекрасно знал, как это сделать... Гарри вернулся в гриффиндорскую башню всего через полчаса. За последние полчаса он написал еще один черновик — на этот раз для эссе по Чарам — и убрал книги, прежде чем покинуть библиотеку. Вечером он играл с Роном в шахматы и потерпел поражение. Гарри не был уверен, было ли это потому, что он постоянно отвлекался на свои мысли, или потому, что он всегда плохо играл в шахматы. Это было поразительно. Он мог вести армии к победе против втрое большего противника, но если ему давали шахматы, он проигрывал... — Ну, по крайней мере, никто не должен задаваться вопросом, почему я вдруг могу играть в шахматы, — фыркнул Гарри после того, как его обыграли в третий раз подряд. — Я даже не смог бы играть в шахматы, если бы от этого зависела моя жизнь... В десять часов он, наконец, сдался и скрылся на лестнице в общежитии для мальчиков. Там он прилег поспать, по крайней мере, некоторое время... ***Том Марволо Риддл, более известный как "Лорд Волдеморт" среди мирных жителей или "Темный Лорд" среди своих сторонников, был недоволен. Что-то изменилось. Что-то очень важное изменилось. Но он не мог понять, в чем проблема. В начале того лета Люциус Малfoy был таким, каким он его помнил: твердо стоящим за идеалы Волдоррта и привыкшим добиваться своего от всех, кроме своего хозяина. Ну, по крайней мере, насколько Люциус Малfoy вообще мог стоять за политическую точку зрения Волдоррта. Волдеморт, в конце концов, не был дураком. Он знал, что этот человек искажил правду после того, как Волдеморт потерял свое тело пятнадцатимесячного ребенка. Он лгал, подкупал и давил на всех, кого не мог обмануть — и все это для того, чтобы не попасть в тюрьму и сохранить свое имя чистым от пятен Пожирателя смерти. Конечно, Люциус Малfoy всегда был человеком без хребта, поэтому Волдеморт не удивился, что тот не начал его искать после его исчезновения... или что тот отрекся от него. Когда Волдеморт вернулся в начале прошлого лета, вернулся и Люциус Малfoy. Он был все тем же: он подкупал министра и других людей, он лгал и давил на тех, кто не видел его пути. И Волдеморт принял его обратно, потому что даже если этот человек не был по-настоящему предан ему, он определенно был достаточно предан делу — по крайней мере, до тех пор, пока он не думал, что находится на проигравшей стороне. Но если бы однажды это действительно произошло, Волдеморт нашел бы способ преодолеть это... Или так он думал... Но теперь что-то изменилось. Деньги, которые Люциус всегда выбрасывал так, словно им не было конца, перестали покидать хранилище этого человека. Блондин по-прежнему тесно сотрудничал с министром — но он перестал использовать его имя, чтобы получить желаемое. А потом был Визенгамот... Визенгамот собрался день назад, и вместо того, чтобы сразу же проголосовать за более жесткие законы о существах, Люциус Малfoy попросил время на их изучение — изучение законов перед их принятием не было чем-то новым для члена Визенгамота... но Люциус Малfoy, изучающий закон, который он с радостью принял бы всего несколько недель назад...?! Что-то определенно

было не так с Люциусом Малфоем...В этот момент в комнату вошел Люциус Малфой, в его руках было длинное письмо. Люциус остановился, увидев змеелицего человека, и поклонился ему.— Мой Лорд, — сказал он.— Люциус, — ответил Волдеморт, внимательно разглядывая мужчину. — Что ты делаешь?— Мне нужно отправить письмо, мой Лорд, — ответил благородный человек.— Письмо?— Это дело Визенгамота. Мне нужно проконсультироваться с... моим знакомым по поводу нового закона.Волдеморт поднял несуществующую бровь.— И почему лорд Малфой должен с кем-то советоваться по поводу закона, который он без раздумий принял бы всего две недели назад? — спросил он благородного человека. Если бы Волдеморт не наблюдал за Люциусом, он бы не заметил, как тот поморщился, когда Волдеморт назвал его "лордом Малфоем". Волдеморт внутренне нахмурился. Почему Люциус вздрогнул, когда его называли так, как он был известен уже много лет?! Что изменилось?!— Мой Лорд, — Лорд Волдеморт снова поднял голову и посмотрел на Люциуса. Тот сглотнул, но продолжил. — Могу я попросить прощения?Волдеморт снова внимательно осмотрел мужчину.— Конечно, — наконец сказал он, внутренне радуясь, когда Люциус снова вздрогнул, услышав легкую нотку парселтонга в голосе Волдеморта. Да. С Люциусом что-то было не так. Во многих вещах он оставался прежним — но в некоторых... Волдеморт должен был внимательно наблюдать за ним...***Безумный Глаз Муди преследовал школу. Он следил за Поттером последние несколько недель — не постоянно, но каждый раз, когда находил для этого время. И некоторые вещи были... странными... Например, парень разговаривал с Сириусом Блэком, называя его "тупым гриффиндорцем", или его поведение по отношению к наследнику Малфоя и Снейпу... Происходило что-то странное.— Аластор, — Бешеный Глаз остановился на середине шага, когда услышал голос Альбуса Дамблдора.— Альбус, — поприветствовал он.— Аластор, как ты, мой друг?— Я в порядке, — ответил Бешеный Глаз, внутренне закатывая глаза. Альбус, не склонный к пустым разговорам, лишь коротко улыбнулся и жестом пригласил Аластора Муди в свой кабинет. Дверь за ними с тихим щелчком захлопнулась, и разговор начался без предисловий.— Ты следил за Гарри, Аластор? — спросил директор, скрестив руки на груди.Безумный Глаз хмыкнул, не отрывая взгляда от Альбуса.— Следил, — бросил он, — Но я не знал этого парня до этого лета. Я, честно говоря, не тот человек, который может судить о том, изменился ли он.— Я знаю, мой друг, — Альбус говорил с легкой грустью, — Ты всегда был превосходным аврором. Ты бы заметил, если бы с Гарри действительно что-то было не так. Одержимость, например.— Я не видел никаких признаков одержимости, Альбус, — Безумный Глаз говорил искренне, но потом запнулся. Он не знал, как сказать то, что чувствовал. Директор был прав, в мальчике была какая-то необычность, не свойственная обычным подросткам. — Но... — Альбус мягко подтолкнул его. — Но... есть что-то... странное... в этом мальчике, — признался Безумный Глаз, с трудом подбирая слова.